

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Н. БЕРДЯЕВ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ГОСУДАРСТВА И ВЛАСТИ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Буйло Борис Иванович
Доктор филос.наук, профессор
Российский университет транспорта (МИИТ)
Москва

N. BERDYAEV ON THE EVOLUTION OF THE STATE AND POWER IN THE HISTORY OF RUSSIAN SOCIETY

Boris Ivanovich Builo
Dr. Philos. Doctor of Science, Professor
Russian University of Transport (MIIT)
Moscow

DOI: [10.31618/nas.2413-5291.2021.4.65.399](https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2021.4.65.399)

АННОТАЦИЯ

Вся история русского народа убеждала его в том, что любое ослабление государственной власти приводило к угрозе внешнего вторжения и иноземному завоеванию. Поэтому сила и мощь государства приобрели для народа характер самодовлеющей и определяющей субстанции.

Реформы Петра I превратили Россию в сильное государство. Но они раскололи общество. Ленин предложил дорогой в социальном плане, но реальный для того времени путь преодоления раскола, и поэтому большевики победили. Однако процесс постепенного обуржуазивания советской бюрократии в будущем, по мнению Бердяева, создаст угрозу для коммунизма.

ABSTRACT

The whole history of the Russian people convinced him that any weakening of state power led to the threat of external invasion and foreign conquest. Therefore, the strength and power of the state has acquired for the people the character of a self-sufficient and determining substance.

The reforms of Peter I turned Russia into a strong state. But they split society. Lenin proposed a socially expensive but realistic way to overcome the split, and so the Bolsheviks won. However, the process of gradual bourgeoisization of the Soviet bureaucracy in the future, according to Berdyaev, will pose a threat to communism.

Ключевые слова: русская государственность, империя, власть, бюрократия, русская революция, большевизм, обуржуазивание, коммунизм.

Key words: Russian statehood, empire, power, bureaucracy, Russian revolution, Bolshevism, bourgeoisie, communism.

Русский народ, отмечал Бердяев, построил могущественную империю; государство, которое постоянно расширяло свои границы и достигло огромных размеров. Все его творческие усилия и энергия шли на поддержание и повышение мощи государства. Вся история русского народа убеждала его в том, что любое ослабление государственной власти приводило к угрозе внешнего вторжения и иноземному завоеванию.

Поэтому сила и мощь государства приобрели для народа характер самодовлеющей и определяющей субстанции. «Почти не оставалось сил у русского народа – писал Н.Бердяев – для свободной творческой жизни, вся кровь шла на укрепление и защиту государства. Классы и сословия слабо были развиты и не играли той роли, какую играли в истории западных стран» [1, с.231]. В этих условиях личность оказывалась полностью зависимой от государства и, в основном, выполняла служебные для него функции.

Псковский монах Филофей, наиболее адекватно выразивший идею о Москве как Третьем Риме, писал в «Посланиях» царю Ивану III, «что все царства православной христианской веры сошлись

в твое царство: один ты во всей поднебесной христианский царь. Блюди же, внемли, благочестивый царь, что все христианские царства сошлись в твое единое, что два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть; твое христианское царство уже иным не достанется» [2, с. 9].

Смысл этой идеи состоял в том, что Москва, принявшая православно-христианскую веру от Второго Рима – Византии, должна хранить ее и нести в мир вплоть до Страшного суда.

Идея о Москве как Третьем Риме, по мнению Бердяева, стала идеологическим обоснованием необходимости существования Московского царства, в качестве носителя и защитника истинной православной веры. Она, одновременно, требовала от царя и народа быть достойными этой исторической миссии России, которая должна стать не только в умах, но и в делах святой Русью. Чтобы не повторилась трагедия Византии [Второго Рима], павшего в результате иноземного нашествия, сознание русского народа работало в направлении необходимости усиления земного могущества Московского царства.

Смутные времена показали очевидную слабость и внутреннюю разобщенность русского общества. Московская Россия оказалась неспособна, защитить себя от внешней агрессии. Она рухнула под слабыми ударами поляков, причем даже не польского государства, а отдельных польских шляхов. Реальную независимость Московского государства удалось восстановить только благодаря патриотизму и мужеству русского народа. Но обеспечивать свою безопасность только с помощью силы народного духа русское государство не могло, требовалось проведение коренных реформ всего русского общества.

Заслуга Петра состояла в том, что он создал из России сильное государство путем заимствования западной науки и промышленности, военного и морского дела. Свои реформы Петр проводил путем страшного насилия над всеми слоями русского общества. Создавая величие и мощь России, Петр вводил рекрутские наборы, безжалостную финансовую систему, монополии, усиливал крепостное право, то есть запрягал весь народ в государственное тягло. Однако, одновременно, он попытался перенести на русскую почву и западную культуру, западный образ мысли. После петровская Россия развивалась, в основном, в направлении западного просветительства, но этот процесс затрагивал только верхние слои общества, дворянство и чиновничество. Простой народ же продолжал жить старыми чувствами и верованиями.

Увеличивалась пропасть между верхним и нижним слоем. «Произошел разрыв – писал Н. Бердяев – между высшими руководящими слоями русского общества и народными массами, в которых сохранились старые религиозные верования и упования» [3, с.55]. Запад не мог оказать сколько-нибудь серьезного влияния на простой русский народ.

Российский правящий слой со времен Петра фактически утрачивает русскую душу, но не приобретает и европейской. Даже русская интеллигенция, которая в глазах простых людей уже часто не воспринималась как русская, не стала западной, хотя и приобщилась к европейской культуре и цивилизации.

Единство государства все в большей степени начинает держаться вопреки правящему слою на народе, которого он уже не понимает. Европеизация России в том виде, как она осуществлялась властью, несмотря на внешнее усиление империи, объективно вела к разобщенности общества, а в долговременной перспективе к неминуемому краху и развалу государства.

Углубляющийся раскол привел в начале XX века в России к разрыву между интеллигенцией и той ее частью, которая, соединившись на базе становящегося русского марксизма с наиболее образованным и идейным слоем пролетариата, начала борьбу за революционное изменение общества.

Первоначально русский марксизм был крайней формой западничества. Он, подчеркивал Бердяев, нанес сокрушительный идейный удар народничеству. Русские марксисты полагали, что они нашли, наконец, социальную базу для осуществления революционных преобразований в России. Пролетариат выступил именно той силой, с помощью которой собирались перевернуть всю страну.

Революция 1917 года, подчеркивал Бердяев, явилась результатом всего предшествующего пути развития России. «Разложение императорской России – писал он – началось давно. Ко времени революции старый режим совершенно разложился, исчерпался и выдохся. Война докончила процесс разложения. Нельзя даже сказать, что февральская революция свергла монархию в России, монархия в России сама пала, ее никто не защищал, она не имела сторонников» [2, с.109]. С падением царской власти и установлением временного правительства «солдатско-мужицкая стихия» заполонила русское общество.

«Жалкая и бессильная роль временного правительства», провозгласившего либерально-демократические принципы управления обществом, показала, что власть, по крайней мере в 1917 году в России, не могла быть организована на этих началах. В них не было никакой объединяющей, основанной на традициях силы. Они не способны были не только заразить массы энергией и энтузиазмом для продолжения войны, но даже не позволяли подчинить их.

«В таких условиях – отмечал Н.Бердяев – монархическая власть могла быть заменена только советской властью. Произошло страшное огрубление жизни, огрубление всего быта, воцарился солдатско-народный стиль. Большевики не столько создали эту грубую жизнь, грубый способ властвования, сколько отразили и выразили совершавшееся огрубление народной жизни. Власть, которая пожелала бы быть более культурной, не могла бы существовать, не соответствовала бы состоянию народа» [4, с.43-44]. Никто не обязан даже внешне, подчеркивал Бердяев, опускаться до уровня солдатско-мужицкой стихии. Никто не должен поклоняться культурным традициям народа, если он считает их отсталыми и вредными. Но в этом случае тем, кто следует вышеназванным правилам, необходимо понимать, что властью в условиях народного бунта и разгула стихии масс, они никогда не станут.

Уже став властью, можно и нужно стремиться повышать и развивать культуру народа, но нельзя стать народной властью, игнорируя его традиции и духовное состояние. Временное правительство все свои надежды связывало с созывом учредительного собрания, полагая, что только избранная им власть, получит правовые гарантии. Но, по мнению Бердяева, народ, доведенный войной и экономической разрухой до крайней степени нищеты и унижения, был уже не в состоянии ждать.

Хаос и развал в стране нарастали с катастрофической быстротой. «Только диктатура –

писал Н.Бердяев – могла остановить процесс окончательного разложения и торжества хаоса и анархии. Нужно было взбунтовавшимся массам дать лозунги, во имя которых эти массы согласились бы организовать и дисциплинировать, нужны были заражающие символы. В этот момент большевизм, давно подготовленный Лениным, оказался единственной силой, которая с одной стороны могла докончить разложение старого и с другой стороны организовать новое. Только большевизм оказался способным овладеть положением, только он соответствовал массовым инстинктам и реальным соотношениям» [2, с.114-115].

К октябрю 1917 года общество в России, по мнению Бердяева, оказалось настолько расколотым, что возникла угроза существованию единого государства. Раскол, который прогрессировал и углублялся в России с петровских времен, необходимо было преодолеть в кратчайшие сроки. Ленин предложил дорогой в социальном плане, но реальный для того времени путь преодоления раскола, и поэтому большевики победили.

Ленину в русифицированном им варианте марксизме удалось, по мнению Бердяева, объединить две диаметрально противостоящие друг другу традиции русской истории. Большевизм соединил в себе традицию русской революционной интеллигенции с ее стремлением к народной правде и социальной справедливости с традицией сильной и деспотичной государственной власти.

Все остальные народнические и марксистские партии и движения остались в рамках только первой традиции. «Но, соединив в себе две традиции, - писал Н.Бердяев – которые находились в 19 веке в смертельной вражде и борьбе, Ленин мог начертить план организации коммунистического государства и осуществить его. Как это парадоксально ни звучит, но большевизм есть третье явление русской великодержавности, русского империализма, - первым явлением было московское царство, вторым явлением петровская империя. Большевизм – за сильное централизованное государство. Произошло соединение воли к социальной правде с волей к государственному могуществу...» [2, с.99]. В большевизме, отмечал Бердяев, преодолевается противопоставление Востока и Запада в его славянофильской и западной традиции.

Русская идея (Москва как Третий Рим) получает в нем обоснование с помощью трансформированного марксизма. Ленин предпринял попытку развернуть Россию от ее прозападной ориентации к собственным допетровским духовным истокам, используя при этом достижения западной социальной науки. Запад отрицается здесь не вообще, а лишь в его буржуазном, то есть наличном социальном бытии.

В Советской России, отмечал Бердяев, весь энтузиазм и энергия русского народа идут на построение социалистического общества. Но опасность для будущего России в этой ситуации

состоит в том, что строят не совсем то, что провозглашают. «...Пятилетний план – подчеркивал Н.Бердяев – не осуществляет все-таки царства социализма, он осуществляет государственный капитализм. Высшей ценностью признаются не интересы рабочих, не ценность человека и человеческого труда, а сила государства, его экономическая мощь» [2, с.120]. Государство превращается в основного и, реально, единственного собственника на средства производства. Государственный социализм по своему объективному содержанию оказывается тождественным высшей стадии развития госкапитализма.

Идеологи большевизма, считал Бердяев, не предполагали, что и в Советской России возможно социальное угнетение, которое примет совсем иные, не похожие на капиталистические, формы. Диктатура идеи пролетариата, отмечал он, усилив государственную власть, развивает колоссальную бюрократию. «Эта новая советская бюрократия, более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может жестоко эксплуатировать народные массы» [2, с.105]. Бюрократия в советской России постепенно обуржуазивается, как обуржуазивается под ее влиянием и сам быт, и это обуржуазивание, подчеркивал Бердяев, есть большая опасность не только для коммунизма, но и для русской идеи в целом. Процесс обуржуазивания советской бюрократии постепенно, по мнению Бердяева, будет формировать ее сознание в направлении отрицания ценностей коммунизма. Ленин, считал Бердяев, не смог всего этого предвидеть, и в этом он был утопичен.

Справедливости ради следует отметить, что в последних статьях и письмах к съезду партии Ленин обращал внимание на то, что в стране существует угроза построения такого «социализма», при котором чиновники станут командовать рабочими. Однако реально что-то изменить в партийном и государственном строительстве эти его предостережения уже не могли. Вряд ли об отмеченных выше последних письмах Ленина мог знать и Бердяев, эмигрировавший в 1922 году из Советской России.

Выход Бердяев видел в персоналистической революции, которая должна сместить акцент в сторону личности, а также в постепенной эволюции Советской власти и коммунистической идеологии в направлении восприятия и реализации подлинных христианских ценностей, что, по его мнению, привело бы к качественной трансформации самого социализма в Советской России.

Литература:

1. Бердяев Н.А. Судьба России // Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России М.: ЗАО «СВАРОГ и К». 1997.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука. 1990.

3. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века.// О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука. 1990.

4. Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М.: Феникс-ХДС-пресс. 1991.

5. Буйло Б.И. Судьба России в культурно-исторической концепции Н.А. Бердяева. Монография. - Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ. 2003.

6. Буйло Б.И. Тема России в русской социально-политической и философской мысли конца XIX-XXI веков. Монография. М.: Юридический институт МИИТа. 2014.